

Юрий Николаевич Тынянов

(1894–1943)

Ю. Тынянов – один из самых талантливых русских филологов и писателей XX века, проложивший свой собственный путь в науке и в художественной литературе. Как теоретик и историк литературы он стремился разобраться в закономерностях литературной эволюции, отмечал в литературном процессе не только преемственность, но и отталкивание: доказывал, что «всякая литературная преемственность есть прежде всего борьба, разрушение старого целого и новая стройка старых элементов». Это был **Эйнштейн** в литературоведении (**Т. Хмельницкая**), чей подход к литературе был динамичен и драматичен.

Будучи членом и одним из главных теоретиков **ОПОЯЗа** (Общество изучения поэтического языка), Тынянов большое внимание уделял формальной стороне произведения, а именно – художественному построению текста, слову, его изменчивости. Но при этом Тынянову было свойственно острое чувство истории, понимание ее воздействия на литературные явления и процесс в целом. «Стремление понять, из каких слагаемых составляется сложный смысл художественного произведения, как исторически изменяются способы порождения этого смысла, как воспринимается он современниками и потомками – людьми, живущими в разные литературные эпохи и по-разному прочитывающими одни и те же тексты, – все это отличительные черты научного мышления Тынянова», – писал В. Каверин.

Талант Ю. Тынянова был универсальным: как литературовед он специализировался на литературе пушкинской эпохи, был теоретиком кино и сценаристом; в художественной прозе является родоначальником историко-биографического романа; проявил себя как переводчик и поэт. По широте интересов и глубокой образованности Тынянов – типичный представитель поколения 1920-х годов, которое на себе ощутило, как «история вошла в быт человека, в его сознание, проникла в самое сердце и стала заполнять даже его сны» (**Б. Эйхенбаум**).

В предисловии к исследовательским работам Ю. Тынянова В. Каверин писал: «Научная деятельность Юрия Николаевича Тынянова началась очень рано – в сущности, еще в гимназические годы. Уже к семнадцати годам он не просто прочел, а пережил русскую литературу». Немаловажно, что своим вхождением в мир литературы Тынянов обязан **Псковской губернской мужской гимназии**, в которой он обучался с 1904 по 1912 год.

В автобиографии Тынянов рассказывал о городе: «...Девяти лет поступил в Псковскую гимназию, и Псков стал для меня полуродным городом. Большую часть времени проводил с товарищами на стене, охранявшей Псков от Стефана Батория, в лодке на реке Великой, которую и теперь помню и люблю. Стена Стефана Батория была для нас вовсе не древностью, а действительностью, потому что мы по ней лазали. Стена Марины Мнишек была недоступна, стояла в саду – высокая, каменная, с округлыми готическими дырами окон. Напротив, в Поганкиных палатах, была рисовалка. Говорили, что купец Поганкин замостил улицу, по которой должен был ехать Грозный мимо его палат, конским зубом. Грозному понравилась мостовая, и он заехал к нему. <...> Не так давно я слышал, что там, при раскопках, действительно нашли древнюю мостовую. На реке Великой (у впадения Псковы) я видел сквозь прозрачную воду железные ворота,- псковичи закрывали реку и брали дань с челнов.<...> Гимназия была старозаветная, вроде развалившейся бурсы. И правда, среди старых учителей были еще бурсаки...». «В городе враждовали окраины: Запсковье и Завеличье. В гимназии то и дело слышалось: «Ты наших, запсковских, не трогай», «Ты наших, завелицких, не трогай». В первые два года моей гимназии были еще кулачные бои между Запсковьем и Завеличьем. <...> Главным зрелищем была ярмарка – в феврале или марте. Перед балаганом играли на открытой площадке в глиняные дудочки: «Чудный месяц плывет над рекою». С тех пор знаю русскую провинцию».

Впечатления будущего писателя от Пскова не были светлыми и радостными, недаром в воспоминаниях большое место отведено каторжной тюрьме и казням («Во Пскове было много тюрем», «Вешали в городе часто»), однако положительные эмоции давали прогулки с друзьями: «Мы много ходили... Исходили десятки верст вокруг города – помню все кладбища, березки, пригородные дачи и станции, темные рудые пески, сосны, ели, плитняк». Чем тоскливее и безотраднее был окружающий мир, тем ценнее общение с товарищами по гимназии. Тынянов признавался: «В гимназии у меня были странные друзья: я был

одним из первых учеников, а дружил с последними. Мои друзья, почти все, гимназии не кончили: их выгоняли "за громкое поведение и тихие успехи"».

В старших классах круг друзей Ю. Тынянова составили **Август Летавет, Лев Зильбер, Николай Брадис, Николай Нейгауз, Мирон Гаркави**. Но самые теплые отношения были с Летаветом и Зильбером. Л. Зильбер вспоминал: «Дружба была крепкой, сердечной. Хотя мы были разные, совсем не похожие друг на друга. Очень организованный, сосредоточенный, терпеливый, прилежный Летавет; вспыльчивый, непримиримый, начитанный Тынянов, – они прекрасно учились, почти на круглые пятерки, оба великолепно знали латынь. Я отставал от них во всем, а латынь остро ненавидел. Зато я неплохо танцевал и играл на скрипке. <...> Тынянов был круглолицый шатен с очень большим лбом и почти курносый».

Объединяла юношей любовь к современной поэзии: читали **А. Блока** и **К. Бальмонта**, **В. Брюсова** и **С. Городецкого**, **Ф. Сологуба** и **А. Белого**. Из классиков предпочитали **А. Пушкина**, **М. Лермонтова**, **Ф. Тютчева** и **А. Фета**. Увлекались Г. Гейне. «Не помню точно, когда Юрий начал писать стихи. Они у него как-то сами ложились на бумагу и казались верхом совершенства. Это были лирические стихи, посвященные молодой любви, явлениям природы, философским размышлениям о смысле жизни...Мы гордились Юрием, он был наш гимназический поэт», – вспоминал А. Летавет.

* * *

Волны баюкают ласково, ласково

Лодку мою...

Бросивши весла от берега вязкого,

С ветром плыву и пою...

Дрожь водяная, отлитая золотом,

Словно кровавые слезы блестит.

Небо пылает над скованным городом.

Город притих и молчит.

* * *

Высшее таинство в мире –
летняя звездная ночь.
Высшее счастье в мире –
слиться с падучей звездой,
Быть неразгаданной сказкой
всем и себе самому,
Влить красоту упоенья
в краткий сверкающий миг,
Трепетом, блеском, паденьем
врезать тревожную тьму,
Кинуть кому-то родному
вдаль пламенеющий крик...

Весной 1907 г.

Тихий ветер колышет траву и цветы;
Где-то стройная песня звенит и поет;
В сердце счастье и воля, простор и мечты –
Ни тоска, ни забота его не гнетет...
И мне кажется сказкой вся юная жизнь –
И весеннее небо, и грусть, и мечты;
И мне нежная песня про счастье поет,
А порхающий ветер колышет цветы.

* * *

Благословенна жизнь бурливая, как море,
Благословенна скорбь святая, как мечта.

Общение друзей продолжалось и во время каникул, о чем сохранилось свидетельство Л. Зильбера: «Разлука на летние месяцы казалась нам непереносимой. Мы не только часто переписывались, но и навешали друг друга. Вероятно, нас сближало романтическое ощущение жизни, любовь к природе, юношеская жажда и радость сердечного общения, любовь к поэзии. Тынянов знал наизусть многие сотни, а может быть, и тысячи стихов, и мы часами слушали его нетерпеливое чтение, открывавшее нам, казалось бы, ничтожными нюансами новый, скрытый между строк, смысл уже известных нам стихов. Он сам писал стихи. <...> Тынянов любил проказничать и не шадил нас в своих шутках и эпиграммах. Когда мы перешли в 8-й класс, я гостил у него в Режице и мы вместе поехали в местечко Велионы к его двоюродному брату, который также учился с нами. В течение нескольких дней, которые мы провели там, случилось маленькое происшествие. Меня сбросила лошадь, которая чего-то испугалась и понесла – я не смог удержаться в седле. Лошадь звали Машкой. Вернувшись в Псков, я получил от Тынянова открытку, в которой была приписка: «...а Машка, между прочим, забеременела». Открытку прочла моя мама, и мне никак не удавалось убедить ее в том, что Машка – это лошадь.<...> Он был прекрасный имитатор: имитировал голос, походку, речь, читал стихи и прозу необыкновенно выразительно, с необычайным богатством интонаций, с подлинным сценическим искусством».

В. А. Каверин, младший брат Л. Зильбера, писал о Тынянове: «Среди юношей, кончавших гимназию, много занимавшихся и успевавших одновременно влюбляться, проводить ночи в лодках на реке Великой, решать философские проблемы века, он был и самым простым, и самым содержательно-сложным. Он был веселее всех. Он заразительно хохотал, передразнивая товарищей, подражая учителям, и вдруг уходил в себя, становился задумчив, сосредоточен. <...> Главным делом, которому еще в гимназии Тынянов решил посвятить жизнь, была история литературы. Глубокая, всепоглощающая любовь к нашей литературе была основной чертой всей жизни Тынянова».

Благодаря гимназическому учителю словесности **В. И. Попову** развивались аналитические способности Тынянова, которые обнаружили уже в школьных сочинениях. Говоря о начальном этапе научной деятельности филолога, **В. Новиков** отмечает: «Активной концептуальностью отмечены первые работы Тынянова: доклад «Литературный источник «Смерти поэта» (1913), где он доказывает наличие в лермонтовском стихотворении реминисценций из Жуковского и размышляет о «цепкости» литературных традиций, и доклад о пушкинском «Каменном госте» (1914), где сюжет трагедии соотнесен с судьбой поэта...».

Вероятно, интересы и пристрастия будущего филолога были предопределены впечатлениями отроческих и юношеских лет. В своих исторических романах «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», «Пушкин» он обращался к пушкинскому времени, причем характерной особенностью этих произведений была новизна взгляда в прошлое благодаря научному воображению Тынянова. Кстати, и в исследовательских работах (особенно «Архаисты и Пушкин», «Проблема стихотворного языка») Тынянов открывает новый путь для русской литературной науки. Как оценивает это открытие Б. Эйхенбаум, «в историю литературы вошли мелочи быта и "случайности". Многие детали, не находившие себе места в прежней науке, получили важный историко-литературный смысл. Наука стала интимной, не перестав от этого быть исторической».

Теория и история литературы у Тынянова органично связаны с его художественной практикой: рядом с проблемами «литературного факта» и «литературной эволюции» остро вставали проблемы «авторской индивидуальности» – проблемы судьбы и поведения, человека и истории, и это нашло прямое отражение в его литературном творчестве. Исследователю, который смотрел на историю не сверху вниз, а «вровень» (выражение Ю. Тынянова), необходимо было вырваться из традиции, при которой за пределами изучения оказывался «домашний», бытовой материал. Он своим творчеством доказал, что «жизнь писателя, его судьба, его быт и поведение могут быть тоже "литературным фактом"».

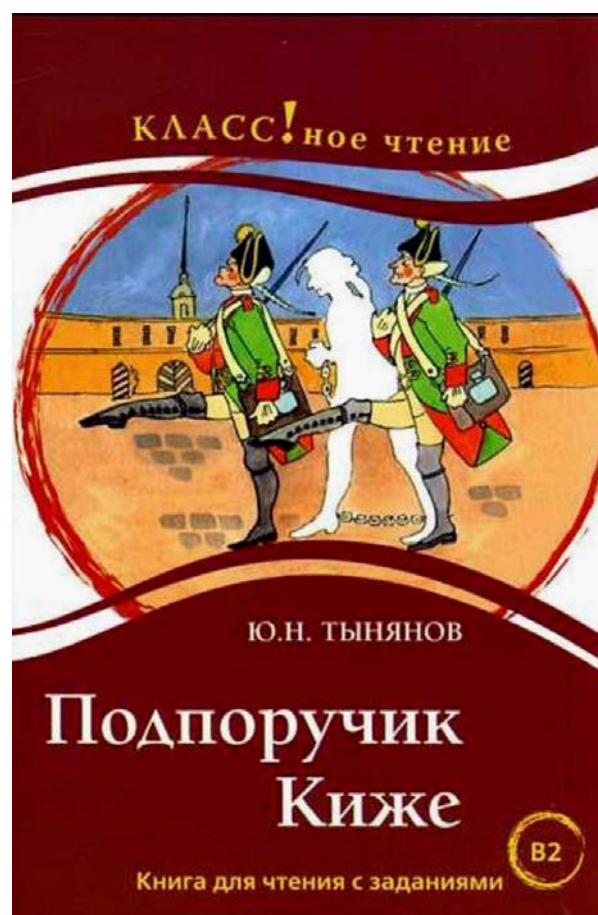
Тынянов подошел к историческому документу как художник. Он признавался: «Там, где кончается документ, там я начинаю.<...> Я чувствую угрызения совести, когда обнаруживаю, что недостаточно далеко зашел за документ или не дошел до него, за его неимением.<...> Я уважаю шершавых, недоделанных неудачников, бормотателей, за которых нужно договаривать. Я люблю провинциалов, в которых неуклюже пластуется история...». Писатель считал, что литературу от истории отличает большая заинтересованность человеком. Тынянову удалось создать удивительно живые и непосредственные характеры **Пушкина**, **Грибоедова**-дипломата, но особенно удался интуитивно угаданный характер **В. К. Кюхельбекера**.

До Тынянова о Кюхельбекере, поэте и человеке, знали очень мало (по словам **Е. Баратынского**, «рожденный для любви к славе (может быть, и для славы) и для несчастья»), имя его упоминалось бегло в числе лицеистов – приятелей Пушкина. Тынянов собрал архив поэта, издал его сочинения и истолковал их как филолог. Он настолько увлекся личностью Кюхельбекера, что очень быстро написал о нем роман «Кюхля» (1925), который сразу принес популярность автору как талантливому прозаику. Тынянов изобразил трогательного, благородного, жаждущего справедливости героя, но при этом неуклюжего, вспыльчивого, даже необузданного. На примере его несчастливой судьбы писатель, размышляя над взаимоотношениями человека с государством, рассказал о придавленности личности государственной машиной. Так Тынянов осмыслял не только историю России, но и ее современность.

В отличие от традиционного жанра биографии, популярного в то время на Западе (романы **А. Моруа**), Тынянов создал роман, переведенный из плана эпического повествования в план лирического рассказа. Произведение строится на сжатых эпизодах, выразительных диалогах и больше всего – на лирической интонации автора. Стиль повествования – взволнованный, насыщенный метафорами, лирическими повторениями – часто приближается к стиховой речи. Тынянов продолжает линию ассоциативной прозы, в которой большую роль играют сквозные лейтмотивы. В кульминационный момент восстания 14 декабря 1825 года почва словно выходит из-под ног

участников. Образ столицы строится на противопоставлении улиц и площадей: «День 14 декабря, собственно, и заключался в этом кровообращении города: по уличным артериям народ и восставшие полки текли в сосуды площадей, а потом артерии были закупорены, и они одним толчком были выброшены из сосудов. Но это было разрывом сердца для города, и при этом лилась настоящая кровь.<...> Взвешивалось старое самодержавие, битый Павлов кирпич. Если бы с Петровской площадью, где ветер носил горячий песок дворянской интеллигенции, слилась бы Адмиралтейская – с молодой глиной черни, - они бы перевесили. Перевесил кирпич и притворился гранитом».

В следующем романе – «Смерть Вазир-Мухтара» (1927) - необычность трактовки исторической личности заключается в том, что Грибоедов нарисован не как литератор, а как дипломатический чиновник. По словам В. Новикова, «Тыняновский Грибоедов мучительно переживает ситуацию “горя от ума”: его проект преобразования Закавказья отвергается и правительственными чиновниками, и ссыльным декабристом Бурцовым. Власти видят в Грибоедове опасного вольнодумца, прогрессисты – благополучного дипломата в “позлащенном мундире”».

В целом же герой одинок и не понимаем никем». Это уже «научный роман» (Б. Эйхенбаум), содержащий новую концепцию и разгадку характера Грибоедова и его судьбы.

С 1932 года до самой смерти Тынянов работал над романом о Пушкине, который, к сожалению, не был закончен. В архиве писателя сохранилась запись, относящаяся к роману «Пушкин»: «Эта книга – не биография. Читатель напрасно стал бы искать в ней точной передачи фактов, точной хронологии, пересказа научной литературы. Это – не дело романиста, а обязанность пушкиноведов. Отгадка часто заменяет в романе хронику происшествий – с той свободой, которою издавна, по старинному праву, пользуются романисты. Научная биография этим романом не подменяется и не отменяется. Я бы хотел в этой книге приблизиться к художественной правде о прошлом, которая всегда является целью исторического романиста».

*А. Г. Разумовская, доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы ПсковГУ*

Источник: <http://majmin.pskgu.ru/page/01b580e1-0680-4038-a0e3-06ccbf05b9cc>